

Поиск духовности: XVI Шишкинские чтения (реплики участников)

В.И. Коннов, А.Н. Самарин

Ежегодно кафедра философии МГИМО проводит «Шишкинские чтения», посвященные памяти основателя кафедры заслуженного деятеля науки Александра Федоровича Шишкина. XVI чтения состоялись 25 декабря 2010 г.

В феврале этого года Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека передал президенту Дмитрию Медведеву документ с длинным названием «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении»». Эти предложения стали первым значительным шагом, нацеленным на «десталинизацию общественного сознания», которая была обозначена председателем Совета Михаилом Федотовым в качестве одной из главных целей этой организации. Их опубликование спровоцировало широкую и не утихающую по сей день дискуссию об отношении к советской истории, об ее нравственной оценке. В ходе этой дискуссии, захватившей страницы газет и интернет-изданий, теле- и радиоэфир, свое отношение к этим проблемам высказали как действующие российские политики, среди них Геннадий Зюганов и Леонид Гозман, так и ученые-политологи – академик Юрий Пивоваров, Алексей Пушков и др.

Незадолго до того, как разразился этот информационный шторм, похожая дискуссия имела место на XVI Шишкинских чтениях. Центральной темой этой встречи было обсуждение итогов 15-летней работы в рамках межвузовской программы «Духовные основы мирового сообщества и международных отношений», в которой принимают участие исследователи из МГИМО, Дипломатической академии, РУДН и других университетов. Но в определенный мо-

мент диалог сместился к проблемам нравственной оценки советского прошлого, взаимосвязи нравственности, духовности и религии, поиска этических опор современным российским обществом – то есть к тому же кругу вопросов, вокруг которых в настоящее время разворачивается дискуссия, вызванная предложениями Совета по правам человека. Обмен мнениями в ходе чтений получился эмоциональным, местами острым, выступления – искренними и яркими. Учитывая актуальность затронутой темы, мы публикуем некоторые из них на страницах Вестника МГИМО. Обращаем внимание читателя, что это расшифровки живой речи участников, а не домашние заготовки и не научные доклады. В нашем выборе мы постарались представить все основные точки зрения, прозвучавшие в дискуссии¹.

Владимир Сергеевич Глаголев, д.ф.н., профессор кафедры философии МГИМО. Я хотел бы обратить внимание всех присутствующих на то, что разговоры о нравственности, разговоры о духовных основах в такой полузакрытой деятельности как политика и в других подобных сферах, очень трудны, потому что предполагают высокую степень раскрытости. А как вы догадываетесь, в политике раскрытость носит умеренный, конвенциональный характер. Если, скажем, как в случае с большевиками, в 1918 году публикуется тайный договор Российской империи – это, что называется, не от хорошей жизни, а чтобы непременно удержать власть в начале 1918 года. Поэтому открытость политики всегда

Коннов Владимир Иванович – к.соц.н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Самарин Анатолий Николаевич – к.филос.н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

сосуществует с закрытостью. Это, если можно так сказать, специфика жанра. И вот когда о такой открыто-закрытой сфере рассуждаешь с позиции нравственности, очень легко впасть в риск профанирования, в риск опошления.

Но мне кажется, существует некоторый набор этических принципов, которые действуют в условиях, когда политик пытается быть честным, последовательным и верит в то, что он делает – это очень важное условие. Потому что когда политик делает то, что ему прикажут, лучше он исполняет, хуже, но если он не верит – ничего хорошего, понятно, получиться не может.

Где-то 27 лет тому назад, может случайно, а может быть, по изволению свыше мне эти принципы открылись, и звучат они следующим образом:

- Господи, дай мне силы сделать то, что я могу сделать, то, к чему есть возможности – вот это я реализую;
- Господи, дай мне мужества отказаться оттого, что я сделать не смогу, то есть не биться в очевидную бетонную стенку (помните, как у Блока, «век разбивания лбом об стены экономических доктрин»), ибо это занятие бессмысленное;
- и, наконец, третья формула, объединяющая первые две, – Господи, дай мне разум, чтобы отличать первое от второго.

Я думаю, что многие успели эти принципы освоить. Если говорить о деятельности Александра Федоровича Шишкина на протяжении тех лет, когда мы вместе работали, когда мы согревались от его духовного огня, то он, конечно, эту формулу знал, безусловно, ей следовал, внутренне ей подчинялся. И она, мне кажется, наполняла и содержание его сочинений, и содержание его живого общения с людьми. Понятно, что меняется время. Очень хорошо сказал один поэт: «Времена не выбирают – в них живут и умирают». Александр Федорович Шишкин родился в 1902 году, скончался в 1977 году. Со времени его ухода прошло 33 года – период жизни Иисуса Христа – и, конечно, очень серьезно изменилось время. Но то, что Александр Федорович реализовывал в ходе своего общения, в своих статьях, в книгах, во влиянии на окружающих, – все это укладывается в ту формулу активного жизненного политика, о которой я только что говорил.

Мы должны помнить, что программа, о которой мы сегодня говорим, была создана после масштабного события – по существу, это ампутация страны. Как любая ампутация, это колоссальное напряжение, это колоссальный стресс. Это, как вы догадываетесь, кровавые истории. Трагичных историй, наблюдавшихся в течение 20 лет после распада Отечества, вы можете считать немало. И, к сожалению, у меня очень большое подозрение, страх, что риски кровавых историй еще не закончены для нашего общества.

И вот отсюда проблема – а что, собственно говоря, можно предложить в качестве оснований для политических решений? Как вы помни-

те, один из президентов в свое время объявил конкурс на национальную идею. Ваш покорный слуга принял участие в этом конкурсе и реализовал свою заявку в нескольких публикациях. Она не вышла на президентский уровень, но, тем не менее, я позволю себе ее озвучить. Я не стал мудрствовать лукаво и взял за ориентир формулу Солженицына – идею сбережения народа. Эту формулу Солженицын не выдумал, а взял у вельможи екатерининских времен Шувалова – в частности, Семилетней войны. Сегодня эта формула, как мне кажется, чрезвычайно актуальна. Понятно, что в политике надо воздерживаться от бессмысленных авантюр. Бессмысленные авантюры – это всегда кровь, это всегда жизни, это растрата колоссальных материальных ценностей, растрата колоссальных духовных ценностей, это алкоголизм, наркомания как следствие для тех, кто побывал в огне этих бессмысленных авантюр. Мы наблюдаем это на примере нашей истории.

Сбережение народа в качестве первой нравственной заповеди выглядит следующим образом: состоит оно в том, чтобы рационализировать усилия народа. Когда у вас огромное количество инженеров уходит в охранники, это, как вы понимаете, девальвация интеллектуального потенциала страны. Когда у вас встречается оценка, которая очень детально расписана в книгах, в публикациях, – состоялась деиндустриализация России – ну, простите меня, все страны индустриализируются, а мы почему-то деиндустриализировались. И после этого хотим решать проблемы нанотехнологий и какие-то иные проблемы суперпродвинутости в XXI столетии вне той индустриальной базы, которую имеют Япония, США, ФРГ. Это, конечно, фокус, фокус, который не реалистичен с точки зрения базовых структур. Должна быть реиндустриализация России. В каких формах – я сейчас не обсуждаю. Но если нет индустриализации, разговоры о том, что нанотехнологии спасут Россию в XXI-XXII столетии, простите меня, это для очень глупых и очень неподготовленных людей. Вот это первая идея, которую я хочу высказать. Сохранение потенциала страны – интеллектуального, культурного и т.д. – обязательное условие для сбережения народа. И я думаю: то, что сформулировал некогда вельможа, возникло в качестве отклика Шувалова на события Семилетней войны. И то, что очень осмысленно Солженицын говорил про опыт истории России в XX столетии, в XXI столетии тоже будет сохранять ценность.

Вторая очень существенная идея, которая лежит в центре духовных основ международных отношений, – это умеренность, минимизация лжи. Вы понимаете, что в дипломатии, недоговоренность в определенных случаях является вполне приемлемым элементом. Дипломат, который никогда не лжет – это, по всей видимости, маловероятное явление, что-то вроде Белоснежки, мифического существа. Хотя ясно, что

эта сторона дипломатии облекается, по возможности, в благопристойные одежды. Но все-таки, когда нет необходимости спасения человеческой жизни, нет необходимости решения какой-то действительно кардинальной задачи, вроде той, чтобы все-таки вывести Россию на путь восстановления индустриального потенциала, мы сталкиваемся с избыточной ложью. Удержание коммуникации в границах нравственных начал, я думаю, это тоже имплицитная задача, которая присутствует в содержании нашей программы, и которая согласуется с обликом нравственного поведения и этической ориентации, заданной Александром Федоровичем Шишкиным.

Андрей Борисович Зубов, д.и.н., генеральный директор Центра «Церковь и международные отношения», профессор кафедры философии МГИМО. Дорогие друзья! Поскольку здесь был затронут вопрос о том, что такое духовность, мы, как преподаватели кафедры философии не можем скрыть от вас, по крайней мере, я не могу скрыть от вас того простого факта, что это, в общем-то, сознательное или бессознательное использование понятия Платона. Он говорил о том, что нус, абсолют и ум человеческий должны быть вместе, они должны быть конгруэнтны один другому – это как раз и переводилось на русский язык словом «пневматика», то есть духовность. Духовное – это некое абсолютное божественное начало. Как понимаете, Платон далеко не христианин и не мусульманин, но с его точки зрения, абсолютное божественное начало живет в человеке, причем живет активно, живет всегда. Но сумеем ли мы актуализировать его, раскрыть божественный потенциал нашего ума или прельстимся, с точки зрения Платона, неправильными вещами, то есть материей, плотью, будем воспринимать себя не как гостя абсолютного в нашем материальном мире, а как того, кто принадлежит стихии мира?

Различные религиозные системы по-разному понимали эту двойственность. Но понятие духовности очень просто: это божественное, актуально действующее в человеке и соответствующее (этого Платон уже не говорил, потому что он не знал категории свободы воли) в полной степени свободной воле человека. То есть человек свободно выбирает путь божественного. То, что уже Марк Аврелий называл словом «ведущее», «мое ведущее» – главная составляющая человека. Вот что такое духовность. И поэтому когда речь идет о духовности, то мы, каждый из нас может спросить себя, хотим ли мы этого, хотим ли мы быть существами, имеющими духовность, или мы предпочитаем жить укорененными только в стихиях нашего мира и не выходить из них?

Конечно, жить в стихиях очень соблазнительно. По молодости часто кажется, что это здорово. И зачем разные философы, начиная от Сократа и кончая Кантом, предлагают какие-то альтернативы? Но постепенно – кто раньше, кто позже, кто очень рано, кто очень поздно, а неко-

торые никогда – приходят к выводу, что все это конечные вещи. И когда Платон, а потом Марк Аврелий и многие другие говорили о соответствии нуса и Нуса с большой буквы, ума человеческого и ума божественного, то они, в первую очередь, говорили о вечности для человека, о преодолении человеком ограничений между рождением и смертью – задача, которая стоит перед каждым из нас. И в этом смысле, как мне кажется, когда стали говорить, что духовность в обществе возрождается, духовность в обществе высока, разумеется, для многих это были чисто вкусовые вещи. По сути, речь идет о том, живет ли божественное начало в людях, хотят ли люди, чтобы оно в них жило, сообразуют ли они свои жизненные пути с божественным началом или не сообразуют с ним и не хотят его.

Можем ли мы говорить о какой-то духовности общества, в котором религия была объявлена фактически вне закона, когда в 1937-1941-х годах было арестовано и процентов на 40 физически уничтожено все религиозно активное население – не только духовенство, но и «двадцатки», на Украине это «пятидесятки», то есть активные миряне, создающие общину храма? Закрыты все монастыри до одного, причем не только христианские, но и, скажем, буддистские. Закрыты практически все мечети. Разумеется, это была борьба с духовностью, борьба с божественным, это было восстание на Бога. И Губельман, он же Ярославский, свой журнал и свое движение так и назвал – «Безбожник».

Вообще, надо сказать, мне как русскому человеку очень больно и даже совершенно невыносимо слышать о каких-то восхвалениях советского времени. Я, видимо, переживаю тот же синдром, который переживает еврей, когда при нем начинают восхвалять Третий Рейх. Для немца еще можно говорить, что плохого было в Третьем Рейхе, а что хорошего, но для евреев было однозначно плохо.

И вот перед нами всеми, и передо мной тоже, стоит сейчас очень большая проблема – это выдавливание из себя советской бездуховности. Надо сказать, что советская бездуховность появилась не на пустом месте. И, для меня, по крайней мере как историка, это совершенно очевидно. Мы свободны, в любой системе, даже при сталинском режиме мы были свободны внутренне – одни доносили, другие предпочитали умереть, но не доносить. Я думаю, что задача – соизмерять с Нусом, с божественным началом, с абсолютным началом правды, независимой от вашей религии, конфессиональной принадлежности, есть она у вас или нет, все наши действия. И нехватка этой правды в старорусском обществе привела к революции.

Там тоже очень много страшного обнаруживается. Например, французский посол в России Морис Палеолог перед революцией беседует с одним из членов Государственной Думы, врачом по профессии, и после этого с ужасом пишет: «Я и раньше это слышал, но он подтвердил как

земский статистик – одна из главных проблем крестьянской России в семейной жизни – это снохачество. Это когда глава семьи считает всех женщин в доме своими наложницами. И когда уходят на заработки или в солдаты молодые сыновья, то с их молодыми женами живет отец». И, кстати говоря, был невероятный подъем самоубийств. И в России в 1909 году обсуждался вопрос о введении специального закона против хулиганства, то есть осуждения за немотивированное преступление, чего раньше никогда не было, по крайней мере, в России, а, наверное, и в других странах тоже. Слово «хулиганство» как юридическое понятие появилось тогда, в 9-м году. Все это были явные признаки близящегося конца. Философ Степун в своих воспоминаниях уже в начале 50-х годов напишет: «Хорошо мы жили в старой России, хорошо, но грешно».

Татьяна Васильевна Панфилова, д.ф.н., профессор кафедры философии МГИМО. Из выступления Андрея Борисовича вы могли понять, что духовность есть религиозность, потому что так оно и есть. И в очередной раз – никакого доказательства, никакого обоснования. Ни в коей мере не могу согласиться с Андреем Борисовичем насчет однозначной оценки советского общества. Описывается, подчеркивается одна сторона. Где вторая? Ведь за это самое время Россия из лапотной превратилась в индустриально развитую державу. Больше того, почему люди работали? Так вообще слушаешь, какой террор господствовал, поневоле представляется, что людей чуть ли не кнутом сгоняли на строительство предприятий. Мы, к сожалению, достаточно давно переехали сюда с так называемой Метростроевской улицы. А почему она была Метростроевская? А сколько было метростроевцев-добровольцев, может быть, вы смотрели фильм «Добровольцы»? Что в этом неправильного? Это чистая правда. Это тоже надо учитывать.

Объясните мне, кому и когда удавалось провести индустриализацию за три десятилетия в абсолютно неподготовленной к этому стране, причем провести ее таким образом, что эта страна, в конце концов, выдержала напор не только гитлеровской Германии, а натиск всей индустриализованной Европы? Какой же у нас был запас прочности? Этот запас прочности откуда взялся? Это ли не духовность? Опиралась эта духовность на религию? В действительности в основе этого общества лежала по-своему понятая духовность. Она нас сегодня не устраивает? Так другие времена, давайте другую развивать. Но общество должно быть нравственным, только тогда оно будет воспитывать подрастающее поколение соответствующим образом.

В те времена советского общества, которые мне довелось застать, был провозглашен знаменитый Моральный кодекс строителей коммунизма. Сегодня он у многих вызывает улыбки. А вы почитайте, что в нем написано. Оказывается, в Советском Союзе идеологи обратились к опы-

ту всех мировых религий, все это удачно сконцентрировали воедино, и в результате получился моральный кодекс, который не совпадал с религиозными утверждениями, в нем действительно было что-то своеобразное. В какой мере он применялся в Советском Союзе? Сколько людей отступало от этого кодекса? Очень многие. И все-таки все знали, что следует поступать так, что все остальное неправильно. Именно в тогдашние времена и утвердилось положение: «Вор должен сидеть в тюрьме». А где у нас сегодня сидят воры, причем, на полном законном основании? Тогда же, даже по этому кодексу строителей коммунизма много было несогласных, но вообще на то он и идеал, чтобы никто ему в полной мере не соответствовал. Но он был, он присутствовал в обществе, он по-своему работал.

Если говорить о том, что советское общество было несовершенно – так это не нуждается в доказательствах. Оно по определению не могло быть таковым. Но разве революция произошла в 17-м году только потому, что большевики отказались от религиозности? Давайте посмотрим, когда и кто свергал царя. Оказывается, что большевики здесь вообще никакого участия не принимали. Это верхушка общества уже почувствовала, что так дальше жить нельзя, общество развалилось, разложилось, и тогда собственно произошла эта смена. Общественное разложение шло рука об руку с разложением нравственным.

Надо было вытащить страну из тех условий, вытащить ее из долговой зависимости, ведь Россия находилась в долгах как в шелках! Почему Россия вынуждена была вступить в Первую мировую войну? Все по истории это проходили, все благополучно об этом забывают, а у России не было другого выхода, потому что она была должна, кому она только не была должна, и все это требовалось возместить. И конечно, большевики поступили несправедливо, когда заявили: не будем мы ничего платить по царским долгам. Конечно, это нарушение всех договоров. Но они их заключали или прогнившая верхушка, которая уже разложилась? Вот где настоящие проблемы. И желательно было бы правду видеть двухсторонне.

И, наконец, какие априорные основания имеет духовность? В том-то и дело, что никаких. Априорные основания духовности имеет каждый из нас, поскольку мы с вами рождаемся и попадаем в уже готовое общество, в котором функционируют определенные нормы. Если говорить об изначальной априорности, то:

- либо вы будете верить тому, о чем говорит Андрей Борисович, никак не доказывая, не обосновывая, что если не божественная благодать, то нам неоткуда узнать, что – добро, что – зло;
- либо вы посмотрите в историю человечества и увидите: да всегда люди сами для себя решали, что – добро, что – зло. Да, не в одиночку решали – это решало общественное сознание, поэтому и существует по-

нятие общественного сознания, поэтому и представления о нравственности менялись, менялись с веками, а иногда и с годами или десятилетиями, и будут меняться.

Мы сегодня с большой готовностью оплевываем своих предков, ища какие-то недостатки и иногда находя действительно очень сложные, драматичные моменты, выливавшиеся во все-все-все, но закрываем глаза на то, что за последние 20 лет реформ по официальной статистике мы потеряли населения больше, чем за все годы сталинских репрессий. Это не оправдывает сталинские репрессии, но давайте лучше вместо того, чтобы искать соринку в чужом глазу, посмотрим на себя. Вот в чем я полностью согласен с Андреем Борисовичем – давайте начнем с себя, давайте свое нынешнее состояние подвергнем критике. И тогда окажется, что нам никакие априорные требования нравственности не нужны. Давайте ее вырабатывать совместными усилиями, считая правилами общежития то, что нам с вами необходимо, чтобы самим быть людьми, и чтобы наши дети стали людьми, и чтобы к нашим предкам мы относились по-человечески.

Анатолий Николаевич Самарин, к.ф.н., доцент кафедры философии МГИМО. Мне было очень интересно послушать, думаю, и вам, живую дискуссию наших коллег. На нашей кафедре мы традиционно, и этим мы обязаны, вообще говоря, Александру Федоровичу, дискутируем откровенно по любым вопросам. И в то самое, якобы ужасное, тоталитарное время мы были не менее свободны, чем сегодня. Вообще, мне кажется, что вольно или невольно, а все участники этой дискуссии продемонстрировали одну удивительную вещь, включая Андрея Борисовича Зубова: они все – порождение той системы, со всеми достоинствами, недостатками. Но совершенно ясно, не будь того великого Советского Союза, созданной тогда великой системы образования, громадного рывка нашей культуры, не было бы самих сегодняшних диспутантов ...

И достижения, и пороки Советского Союза были во многом и продолжением предыдущего этапа, как в достижениях, так и в пороках. Помните, сказал Андрей Борисович: правды не было, потому и революция разразилась. Это, кстати, ответ и Владимиру Сергеевичу Глаголеву, который нам объяснял, что политика, она не всегда стоит на правде. Если все стоит не на правде, политика непременно провалится, собственно говоря, что мы и видим в последнее время очень отчетливо. Я не буду долго говорить о духовных смыслах, я, вообще, солидарен с тем, что говорила здесь Татьяна Васильевна. Высшие ценности формируются сложными путями, они могут быть свидетельством просто нравственного роста, развития нравственной культуры, они могут идти из религии, они могут идти из искусства, они могут идти из фольклора, из народного сознания, из его толщи. Их пути очень многообразны. В том числе и философия, конечно, вносит какой-то вклад в рефлексию этих ценностей,

у нее есть область замечательная – аксиология, которая это обсуждает. Таким образом, духовность, вообще говоря, вещь неискоренимая и, конечно, для нее бывают благоприятные и неблагоприятные времена. Я не могу признать, что нынешнее время оказалось благоприятным ...

Общаясь с православными, очень часто слышу интересную реплику: «Вот раньше вера-то православная была больше, она выше была, лучше, чем теперь. А теперь вроде и церкви, и всё есть, а вера-то стало меньше». В этом есть доля искреннего наблюдения. Я понимаю, что советская культура опосредованно, через русскую традицию, подпитывалась мощным историческим потенциалом православия, оно действительно приняло отчасти светскую форму, не столько под идеологическим принуждением, сколько в результате влияния новых социально-экономических потребностей. Благодаря этому исторически сформированные ранее духовные ценности не были отброшены, как это произошло во многих других странах, где также наблюдалась секуляризация.

У нас идеи и милосердия, и сострадания, и солидарности были весьма значимыми. Да, были и преступления, были и убийства. Назовите, правда, мне поручу, когда бы этого не было. Чем лучше был царь Иван Грозный товарища Сталина или чем иные проделки Петра I были отличны от советских, не станем здесь разбирать. Но мы много видим в нашей древней и советской истории явного параллелизма. И товарищ Сталин отчетливо ощущал себя, я однажды статью об этом написал, духовным братом Ивана Грозного и Петра. Он вообще чувствовал себя гораздо больше монархом, чем генеральным секретарем вверенной ему партии. Поэтому здесь было продолжение многих линий прежней русской истории. Но и прорыв в строительстве более справедливого общества действительно был, и действительно колоссальные массы, те, что недавно были с сохой, они приобщились – одни к элементарным достижениям культуры, а другие – и к самой высокой культуре. Был создан в высшей степени квалифицированный и образованный слой, который и помог нам наряду с теми духовными предпосылками, о которых говорила Татьяна Васильевна, выиграть в тяжелейших испытаниях прошлого XX столетия.

Сегодня же мы только теряем исторические «очки», ресурсы, доставшиеся нам из далекого (или не очень) прошлого. Я писал во многих статьях – их немало вышло в разных журналах, и общественных, и политических, и научных – мы проедаем историческое достояние, которое создали для нас и русские цари, и советские руководители, и все существовавшие до нас системы, просто бездарно его транжирим, транжирим и в материальном смысле, и в духовном тоже. И что мы получили взамен? Поскольку я очень подробно описал это в бесчисленных статьях, имею право не пересказывать их, они доступны в Интернете.

Константин Михайлович Долгов, д.ф.н., заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии Дипломатической академии. В сознании народа нравственная мотивация играет первостепенную роль. Когда Лев Толстой узнал, что в России увлекаются политической литературой больше, чем художественной, он подготовил доклад и выступил с этим докладом в обществе русской словесности и сказал следующее: литература – это задушевное сознание народа. Задушевное сознание, не навязанное народу, а выражающее глубинные внутренние чаяния, идеи и идеалы самого народа. Что касается политической литературы, то это – преходящее. Сейчас это мода, завтра она пройдет. А вот такие произведения, как «Илиада», «Одиссея», «Махабхарата» и многие другие, будут существовать вечно.

Я не знаю, как вы застали Советский Союз, а я в 13 лет работал на военном заводе. Цех инструментальный, где снаряды готовят, мины. Кто там работал? Дети 13-летние, 14-летние, 15-летние и женщины, и было трое мужчин-инвалидов на 300 человек. И так было по всему тылу. И тыл выдержал и все сделал. Вопрос, что здесь? Была какая-то мораль или не было этой морали? Был патриотизм или не было патриотизма? Я могу только одно сказать по своему опыту: никто из этих женщин не стонал, не жаловался, да и из детей тоже, и ни один не сомневался в том, что мы победим, хотя захвачено было почти все. Только после Сталинграда уже стало ясно, что мы победим. Вот какие вещи. И говорить о том, что это было аморально? Аморально может быть руководство, члены руководства, еще кто-то, но народ был высоконравственным. Большинство, абсолютное большинство – это был высоконравственный народ. Сейчас, я думаю, в меньшей степени среди народа такая нравственность. Почему? Потому что тотальная коррупция. И об этом говорил и президент, и премьер-министр Путин, все говорят об этом, и только сейчас начали борьбу ...

Я участвовал в разработке двух законов, которые до сих пор не приняты: закона о защите нашей культуры и закона о защите русского языка. А сколько законов принято негодных или ненужных за это время! А ведь культура это, может быть, самое святое для нас, и самое драгоценное. Я хочу сказать вот еще о чем – насчет Китая. Когда-то мы к нему, может быть, свысока относились. Вы знаете, не надо смеяться над Китаем. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я каждый год бываю в Китае, а то и чаще. И я вижу, что там делается и как делается. Я понимаю, что очень много всяких недостатков, но это страна, которая сейчас показывает всему миру, как можно и, может быть, как нужно развиваться – вот в чем дело. Советский Союз был экспериментом величайшим. И этого не оценили. Освободиться от всякой эксплуатации человека человеком не удалось, к сожалению. И тот капитализм, в который нас бросили, – бандитский капитализм. Мы

видим сейчас всюду эти взятки, воровство, казнокрадство, Бог знает что, убийства. Колоссальное количество убийств в стране происходит. Это что такое вообще? Неужели это мы должны считать нравственным обществом? Нет, с этим никак нельзя согласиться. Но дело не только в этом. А дело в том все-таки, как нам дальше развиваться, что нам делать ...

Почему проваливаются все социальные проекты и великие реформы? Потому что не хватает воли ни руководителям, так сказать, высшему классу, ни низшим классам – тем, кто им подчиняется. Не хватает воли самой разной – личной, коллективной, политической и т.д. Почему не достает воли? Потому что недостает веры, причем опять разной веры – религиозной, философской, личной, коллективной, социальной, политической и т.д.. А почему не достает веры? Потому, что не достает культуры – культуры высшей, настоящей, подлинной, которая есть в том, что делает человека человеком, а человек – объект и субъект культуры. И вот создание таких высших ценностей, и материальных, и духовных, создает человека и его достоинство – в этом вся штука. И вот если мы будем опять по всем каналам всю эту «mass culture» распространять, и все время у нас будут эти «звезды» - герои, героини, вы знаете, страна будет деградировать.

Дмитрий Вениаминович Новиков, старший преподаватель кафедры философии МГИМО. Мне кажется, что слово «духовность» является каким-то драгоценным подарком, доставшимся нам из некоего прошлого, с которым нельзя ничего сделать. Слово «духовность» - это шкатулка. Мы, выйдя на улицу, глядя на свет, выйдя в интернет, понимаем, что слово «духовность», что называется, «не приклеивается», оно совершенно не вяжется с современными образами, с современными мироощущениями, с существованием современного человека. Оно нам досталось как некий торжественный сувенир, который извлекают по большим праздникам и начинают из него доставать какие-то красивые качественные вещи. Более того, слово «духовность» немножко пугает. И у нас есть основания бояться. В предисловии к «Диалектике просвещения» Теодор Адорно пишет следующее: «Бесчеловечность искусства должна превзойти бесчеловечность эпохи».

Мы живем, на самом деле, в мире абсолютно бесчеловечном, лишенном того самого гуманизма, который каким-то образом давала нам эта самая духовность. И собственно говоря, мы знаем, что слово «духовность» это большой экзemplар, из которого каждый вытаскивает что-то свое. Как известно, одной из любимых книжек Гитлера были «Размышления» Марка Аврелия. Эйхман – тот самый человек, который придумал «окончательное решение» еврейского вопроса», - обожал на досуге читать «Критику практического разума» Канта. Я сейчас не буду говорить о той духовности, которая является на самом деле каким-то странным способом соот-

несения с отсутствующим, странным обманом, странным способом не говорить истину. Собственно говоря, именно эта ситуация, которая обозначила некий кризис культуры, привела к этому странному абсолютно катастрофичному нынешнему состоянию, в котором слово «духовность» значит все и не значит ничего. Я думаю, стоит вспомнить о чем-то другом.

Только свобода может быть основанием нравственности. Никакой общественный договор, никакие общественные знамения самого разумного фюрера или самого разумного, самого рационального сообщества, построенные на самой идеальной модели, в принципе не могут быть нравственными. Нравственной может быть только свобода. И на самом деле это является тем, что открывается в нашей нынешней ситуации, как в свое время предвидел Ницше, когда он говорил о том, что это ситуация бесконечной грусти, как он пишет в знаменитой книге «Так говорил Заратустра». Это бесконечная грусть, в которую впал Заратустра, когда понял, что Бог умер, и понял, что осталось. И собственно эта бесконечная грусть – это понимание, что человек по своей сути есть та самая тварь, есть та самая материя, есть, по всей видимости, практически ничто. Но именно это ничто – это то, что в принципе может каким-то образом чем-то стать. Это то, что на самом деле есть только у нашей свободы, это то, что на самом деле мы можем увидеть, что является нашим ответом на бесчеловечность мира, как об этом говорил Камю. Это есть, собственно говоря, начало нашей этики, той самой, которая позволяет нам взламывать, читать тексты, но не так, чтобы сделать из них некую господствующую философскую культуру. Как говорил тот же Ницше, это культура тех, кто вообще имеет право учить – а таких людей больше нет. У нас нет таких людей, которые обладают правом на истину. И до тех пор, пока мы это не поймем, мы не сможем понять того, что нас соединяет с прошлым.

На самом деле крупницы свободы позволили, например, Франклу, попавшему в лагерь, выжить и найти в этом лагере этические ответы, стоящие над бессмысленной ситуацией выживания. Они же позволили Шостаковичу практически в изоляции писать свои замечательные вещи, позволили Солженицыну найти возможность выжить и дать свой человеческий ответ эпохе, что и есть на самом деле то, что я могу назвать духовностью.

Алексей Викторович Шестопал, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии МГИМО. Дорогие друзья! Мы завершаем на этом нашу работу. Я хочу поблагодарить всех присутствовавших на сегодняшней встрече, поблагодарить наших студентов, аспирантов, потому что вы все – такие же участники этих поисков. Еще раз возвращаясь к светлой памяти Александра Федоровича, хочу сказать: вы знаете такое время было, и мы, – пожалуй, многие из нас, сидящих за этим столом, выросли в этом времени. И вот (указывая на портрет А.Ф. Шишкина – ред.) – наш учитель. И мы никогда рядом с ним не были скованы. Вот за это ему – огромная благодарность. Мы были подчас осторожны. Я думаю, что, между прочим, осторожность никогда не помешает – ответственность и осторожность, связанная с ней. Но мы были открытыми в наших разговорах, мы доверяли друг другу. Вот это важно. Мы очень доверяли Александру Федоровичу. И, в общем, мы стараемся оставаться такими же и по сию пору.

A search for spirituality: 16th Shishkin readings (remarks by the participants).

Summary: MGIMO's Department of Philosophy organizes "Shishkin readings" – an annual philosophical workshop dedicated to the memory of the distinguished Soviet scientist Alexander Fedorovich Shishkin, the first chairperson of the department. The 16th workshop took place on December 25, 2010.

Ключевые слова

философия религии, история России в XX веке, этика, аксиология.

Keywords

philosophy of science, Russian history in the 20th century, ethics, axiology.

Примечания

1. Со стенограммой встречи можно ознакомиться на сайте кафедры философии по адресу: http://www.sociognosis.narod.ru/docs/Shishkins_16_chtenija.htm